

**Хрущов-Сокольников Гавриил
Александрович**

Провинция

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г12

Г12 **Гавриил Александрович Х.**
Провинция / Хрущов-Сокольников Гавриил Александрович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 292 с.

ISBN 978-5-521-29389-6

ISBN 978-5-521-29389-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

діаконъ, отецъ Николай, изъ молодыхъ, раннимъ утромъ, послѣ панихиды, у прикащика Ефима Петрова, высокаго рябого мужчины, на котораго взвалила всѣ хлопоты по похоронамъ Татьяна Николаевна.

— Верховсѣй посланъ и въ Троицкое къ исправнику, и въ городъ къ предводителю... Вѣдь такъ нельзя же... Опеку назначутъ.

— А поди, чай, добра всякаго Божья благодать?—допытывался діаконъ.

— Ещѣбы... покойникъ, царство ему небесное, скопидомомъ былъ. . Не то чтобы изъ дома, а все въ домъ! Однихъ денегъ чай многія тысячи!.. потому полторы тысячи душъ! шутка.

— И все это дѣтямъ?.. Младенцамъ!!

— А то кому же?

— Да они не въ такихъ еще лѣтахъ...

— Ну такъ чтожъ, опека будетъ!.. Теперь безъ дворянской опеки, никакъ невозможно... Все счетъ счетомъ примутъ и счетъ счетомъ сдадутъ!..

— Охъ, сумнительно, чтобы сдали, темныя теперь времена настали!.. принять какъ не принять—примутъ, а на сдачу какъ теперь туги стали—Ахъ ти ..

— Ну, ври еще... Предводитель нашъ Василій Ликсѣичъ, не другимъ чета... при немъ, братъ, сиротскаго не пропадетъ.. Не такой человѣкъ...

— Что и говорить! Не человѣкъ — отецъ!... Только кругомъ него то пустельга жадная вьется... выловятъ..

— А мы то начто... чуть что замѣтилъ, сейчасъ Василію Ликсѣичу, а онъ шутить не любитъ...

— Это все вѣрно.... только...

Но управляющему некогда было продолжать разговоръ съ словоохотливымъ діакonomъ; къ крыльцу дома подъѣхалъ дорожный тарантасъ, а слѣдомъ за нимъ телѣжка. Въ тарантасѣ сидѣлъ исправникъ съ письмоводителемъ, въ телѣжкѣ: членъ дворянской опеки отставной поручикъ Оглоблинъ и секретарь опеки, т.-е. вѣрнѣе исправляющій должность секретаря, регистраторъ Петръ Ивановичъ Вознесенскій, одинъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ разсказа. Это былъ мужчина лѣтъ сорока, гладко выбритый, съ лицомъ темносизаго цвѣта, среди котораго возвышался носъ, напоминавшій формою печеный картофель. Губы у него были тонкія и змѣистыя, брови широкія и густыя, глаза впалые и проницательные. Какъ особую примѣту, судьба поставила ему надъ лѣвой бровью бородавку, буро-краснаго цвѣта. Съ

каждымъ годомъ бородавка эта, хотя медленно, но все же увеличивалась въ объемѣ, и грозила сдѣлаться дѣйствительно объемистой шишкой. Сколько разъ владѣлецъ этого украшенія обращался къ уѣзднымъ докторамъ, но они отказывались дѣлать операцію, говоря, что она сопряжена съ рискомъ умереть, такъ какъ де они слышатъ въ бородавкѣ пульсацію, другіе, болѣе откровенные, предлагали поѣхать въ губернію, и даже въ Москву, къ тамошнимъ свѣтиламъ, говоря, что ихъ наука недостаточна, чтобы рискнуть операціей!

Легко было дать совѣтъ, но исполнить его было трудно. Петръ Ивановичъ, на сороковомъ году жизни, не имѣлъ еще штатнаго мѣста, и не только о московской поѣздкѣ не смѣлъ и думать, но только и мечталъ, какъ бы такъ округлить свои дѣлишки, чтобы не умереть съ семьей съ голоду.

Надо сказать, что Петръ Ивановичъ былъ женатъ лѣтъ десять, и съ тѣхъ поръ Господь ежегодно благословлялъ его то наслѣдникомъ, то наслѣдницей. Аппетитъ у всѣхъ былъ адскій, а у Петра Ивановича были только двѣ руки, и если бы не частныя занятія при откупѣ, да при канцеляріи предводителя—хоть умрай!

Надо напомнить читателямъ, что дѣйствіе происходитъ въ пятидесятихъ годахъ, еще задолго до объявленія манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

За нѣсколько дней до начала нашего романа, старый секретарь опеки умеръ, и Вознесенскій, какъ регистраторъ, временно вступилъ въ отправленіе его обязанности.

Бывшему секретарю Вознесенскій былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ непьющій и дѣловой, и онъ нѣсколько разъ при жизни рекомендовалъ его предводителю. Это была первая серьезная командировка.

Согласно постановленію опеки, Оглобинъ и Вознесенскій были посланы принять мѣры къ охраненію имущества и составить опись. Самъ предводитель обѣщалъ пріѣхать на слѣдующій день, къ похоронамъ.

Опека, въ присутствіи земской полиціи, тотчасъ же приступила къ формальной описи. Вездѣ были наложены печати; дворовые переписаны, и по слободамъ произведена «подворная опись».

По старымъ законамъ, крестьянинъ принадлежалъ помѣщику со всѣмъ своимъ добромъ, и въ подворную опись вносились каждая мужицкая коровенка или лошаденка.

Только составляя подобную опись, члены опеки могли убѣдиться, какъ велико было благосостояніе крестьянъ села

Ознобишина. Князь Мамаевъ былъ прекрасный хозяинъ, онъ жалѣлъ своихъ крестьянъ, и они любили его до обожанія.

На похоронахъ съѣхалось очень много сосѣдей-помѣщиковъ, и между прочимъ прибылъ ветеранъ севастопольской кампаніи, генераль Борцовъ. Онъ жилъ всего въ 10 верстахъ отъ усадьбы Мамаева и любилъ молодаго человѣка какъ сына.

Съ генераломъ пріѣхалъ его родственникъ, совсѣмъ молодой человѣкъ, высокій, худой и костлявый, въ черномъ сюртукѣ, который сидѣлъ на немъ какъ на вѣшалкѣ. Это былъ племянникъ Борцова по сестрѣ, Всеволодъ Александровичъ Кречетовъ, мечтавшій поступить въ университетъ.

Онъ былъ друженъ съ дѣтства съ молодымъ Мамаевымъ, который однако былъ моложе его года на три — четыре, и упросилъ дядю съѣздить къ Мамаевымъ, у которыхъ не было родственниковъ и взять Костю на время къ себѣ.

Татьяна Николаевна съ радостью согласилась; ей трудно было возиться съ шаловливымъ мальчикомъ, плохо еще понимавшимъ свою потерю, и потому ставившимъ весь домъ вверхъ дномъ.

За отъѣздомъ гостей началась формальная процедура описи движимости въ домѣ. Мебель, серебро, посуда были сосчитаны и описаны, оставался только несгораемый шкафъ въ кабинетѣ покойнаго князя, и опекуны приступили къ нему съ нѣкоторой робостью.

Они упросили и Татьяну Николаевну присутствовать при этомъ вскрытіи; та сначала отказывалась, потомъ согласилась, «ради дѣтей».

Исправникъ, отставной гусарскій ротмистръ, мужчина громаднаго роста съ сѣдыми усами, усѣлся въ шитое «Вольтеровское кресло», и закурилъ трубку своего любимаго «Жукова». Членъ опеки и секретарь принялись за дѣло.

Печати были сломаны, и дверцы отворены. Все въ кассѣ обличало порядокъ покойнаго. На самомъ видномъ мѣстѣ лежалъ пакетъ съ надписью:

«Мое духовное завѣщаніе», а ниже лежали три портфеля съ надписями «Серія», «Билеты», и «Документы».

Въ духовномъ завѣщаніи не было ничего непредвидѣннаго. Князь завѣщалъ родовое Ознобишино сыну, а благопріобрѣтенное въ Орловской губерніи дочери, весь капиталъ то же пополамъ. Опекуншей назначалъ Татьяну Николаевну, и кого она сама выберетъ».

Дойдя до этого мѣста, оба, и Вознесенскій и Оглоблинъ, съ умиленіемъ посмотрѣли на эту добренькую, тихую старушку

въ крепкомъ черномъ чепцѣ и каждый изъ нихъ подумалъ.

— Эхъ, если бы она меня выбрала!

Исправникъ, прочтя завѣщаніе, крикнулъ, какъ человѣкъ издавшій виды и только промычалъ.

— Неосторожно, крайне неосторожно!.. Ну какъ баба можетъ выбрать—добавилъ онъ уже мысленно, и опять погрузился въ куреніе своего «Жукова».

Серіи были разложены пачками по сотнѣ, т.-е. по 5 тысячъ, аккуратно обложенныхъ бандеролюю. Оглоблинъ хотѣлъ записать ихъ, не считая, но Вознесенскій воспротивился: ему уже немало доставляло удовольствія хотя бы только пересчитать и поддержать въ рукахъ эти шелковистыя бумажки.

По мѣрѣ того, какъ онъ считалъ, пальцы его нервно вздрагивали, и мысли были далеко.

Ему мечталось, что вотъ, если бы было возможно, стянуть присвоить сейчасъ одну изъ этихъ пачекъ, какимъ бы онъ могъ быть счастливецемъ... Зачѣмъ же одну? почему не всѣ? говорилъ онъ самъ съ собою: семь бѣдъ одинъ отвѣтъ, но тотчасъ инныя соображенія смѣнили первую мысль грубаго захвата... Не украсть, не вырвать, а тонко присвоить, выманить, словомъ, перемѣстить себѣ въ карманъ эту пачку зелененькихъ бумажекъ.... но такъ, чтобы никто не замѣтилъ, никто не хватился... ахъ, какъ это было бы чудесно! Эти мысли такъ завладѣли Вознесенскимъ, отроду никогда не только не державшимъ въ рукахъ такой суммы, но даже невидѣвшимъ ее, что онъ нѣсколько разъ сбивался въ счетъ, и начиналъ снова.

— Эхъ, какой вы! говорилъ ему съ укоризной Оглоблинъ:—вѣдь сами видите что вѣрно!

— Вѣрно то вѣрно, а для видимости необходимо—возражалъ Вознесенскій и принимался за другую пачку.

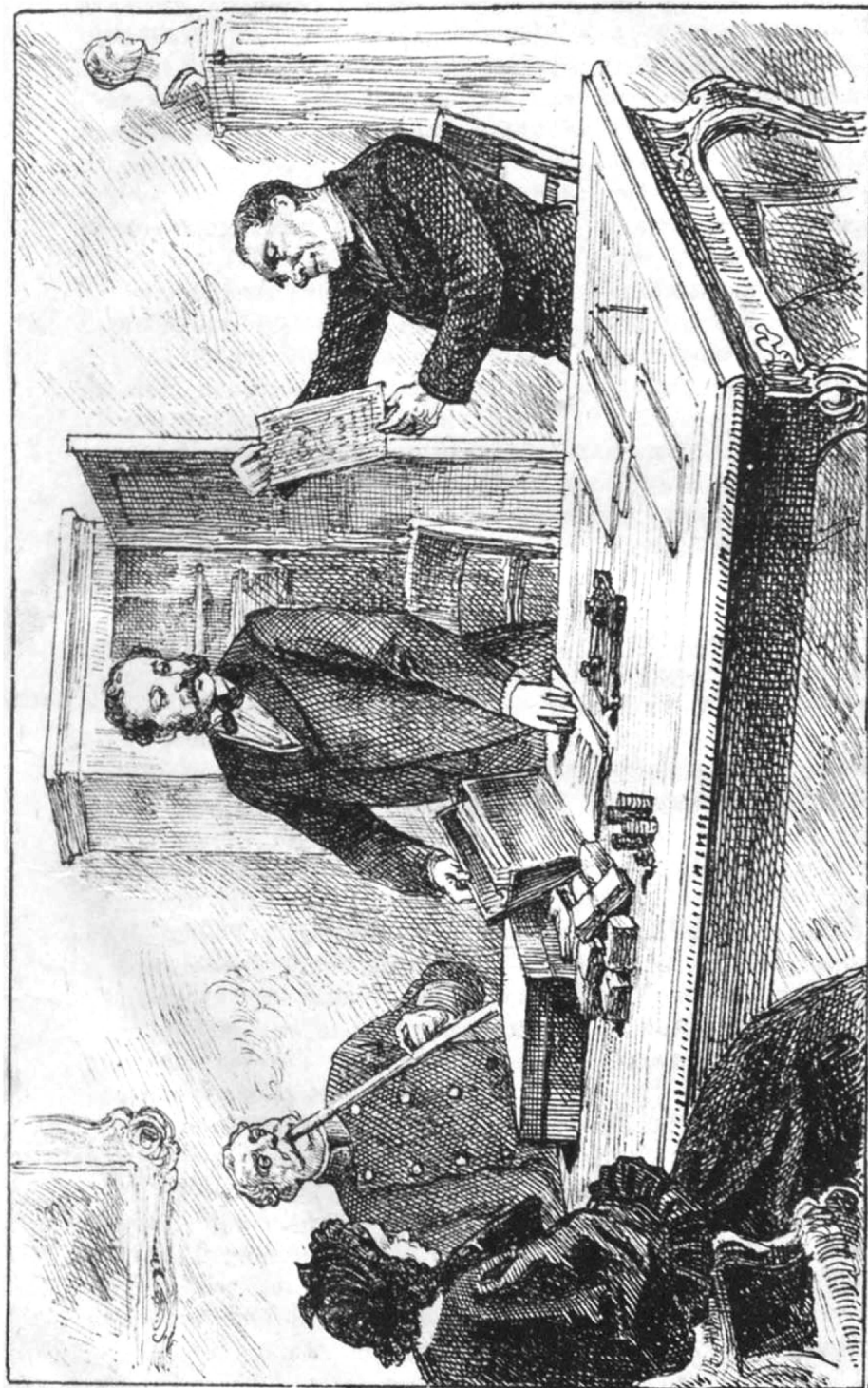
— 40,000,—проговорилъ онъ наконецъ, доканчивая послѣднюю сотню... Такъ запишите серіями сорокъ тысячъ.

— И съ текущими процентами?—добавилъ Оглоблинъ.

— Вотъ это уже глупо,—промычалъ съ своего мѣста исправникъ... кто будетъ всѣ эти серіи подсчитывать, да на каждой писать опись... По моему въ приказъ да и шабашъ!.. Не правдали, добрѣйшая Татьяна Николаевна? Отъ васъ теперь зависитъ!

— А по мнѣ гдѣ сохраннѣе, туда и лучше Порфирій Петровичъ, для меня ничего не надо, все для нихъ, — она погладила по щекѣ, маленькую княжну, которая уснула, склоняясь къ ней на колѣни...

— Ну теперь билеты,—возгласилъ Оглоблинъ:—дайте-ка сюда портфель-то, Петръ Ивановичъ.



Доз. дек. 26 января 1888 г.
Стр. 9.

Типо-литографъ В. В. Комарова Невскій пр. № 40.

Бумажка, простая бумажка—и вдругъ 10 тысячъ!

Вознесенскій подалъ, и самъ чувствовалъ, что руки его дрожатъ, и онъ готовъ выронить изъ рукъ драгоцѣнный портфель.

Красные, желтые, синіе билеты замелькали передъ его глазами, и онъ просто упивался ихъ видомъ, съ любовью записывая подъ диктовку Оглоблина № и цифру билета.

— № 3180, — возгласилъ членъ опеки:—сумма 10,000.

— Батюшка, Василій Васильевичъ, отецъ благодѣтель, дайте хоть посмотрѣть на такой бриліантъ! надтреснутымъ хрипомъ вырвалось изъ груди Вознесенскаго, и онъ, съ лихорадочнымъ любопытствомъ сталъ разсматривать оранжевый, пяти-процентный билетъ, поданный ему Оглоблинымъ.

— Ну, ты, приказная крыса, не сомни билета!—крикнулъ на него исправникъ, выпуская колечко дыма:—что ты къ носу то его подносишь, или чѣмъ пахнетъ?..

— Таинственныя благовонія разливаются, при одномъ появленіи такой чудодѣйственной силы... Бумажка, простая бумажка—и вдругъ 10 тысячъ!—Господи помилуй! и Петръ Ивановичъ съ подобострастіемъ поцѣловалъ билетъ, и дрожащими руками подалъ его Оглоблину.

Билетовъ оказалось на 70 тысячъ, много полуимперіаловъ, кредитокъ и серебра, но Вознесенскій не могъ больше считать: это богатство ослѣпило его, и онъ писалъ и выписывалъ №№ и цифры какъ автоматъ, не понимая ничего, не помня ни о чемъ.

Опись кончилась, но всю ночь еще снились Вознесенскому серіи, билеты, полуимперіалы, и онъ жадными руками хваталъ ихъ, пряталъ на своей груди, цѣловалъ, миловалъ, а они, словно невидимки, бѣжали отъ него, превращались въ живыя лица, дразнили его, издѣвались надъ нимъ...

— А вѣдь все это можетъ быть моимъ! вдругъ мелькнула у него мысль и онъ проснулся:—Надо только умѣть взяться... Старуха глупа, дышетъ на ладонъ, опека еще не утверждена, надо пристроить своихъ людей, и тогда... онъ недоговорилъ, но руки его нервно сжимались, словно ощущали снова прикосновеніе шелковистыхъ бумажекъ.

Съ этой минуты въ душѣ безмѣрно маленькаго чиновника, даже вѣрнѣе, исправляющаго должность этого чиновника, запада и укоренилась смѣлая мысль завладѣть всѣми этими богатствами, присвоить ихъ себѣ, хотя бы для этого пришлось рискнуть головою!

Но задумать и рѣшиться было труднѣе, чѣмъ привести въ исполненіе задуманное!

Послѣ долгихъ переговоровъ и совѣтовъ съ исправникомъ,

Татьяна Николаевна заявила опеку, что избирает опекуномъ генерала Борщова и сама поѣхала къ нему просить принять въ свое вѣдѣніе все состояніе малолѣтнихъ Мамасвыхъ.

Генералъ, добрый и простой человѣкъ, согласился съ первымъ словомъ, но потребовалъ, чтобы ему была предоставлена полная свобода распоряжаться воспитаніемъ Кости Мальчикъ оказался крайне упрямымъ, избалованнымъ, и никуда не подготовленнымъ.

Татьяна Николаевна, разумѣется, согласилась съ радостью; было рѣшено, что Костя будетъ отданъ въ корпусъ. Это предположеніе очень не понравилось молодому Кречетову, но съ радостью было принято князькомъ, который только и бредилъ военными и его отвезли въ ту же ночь въ Москву.

Кречетовъ снова остался одинъ.

Нервный, впечатлительный, привыкшій всю раннюю молодость къ одиночеству, и къ отсутствію товарищей, молодой человѣкъ самъ рвался въ школу, въ гимназію или корпусъ. Но старый генералъ—дядя рѣшительно воспротивился этому, и Кречетовъ до 16 лѣтняго возраста жилъ и учился дома, окруженный гувернерами и учителями.

Въ 17 лѣтъ онъ уже прекрасно владѣлъ языками, отлично зналъ латынь, и къ радости дяди прямо выдержалъ выпускной гимназическій экзаменъ, что равнялось тогда аттестату зрѣлости.

Путь въ университетъ былъ открытъ для молодого человѣка, и онъ заклиналъ старика не мѣшать ему продолжать образованіе. Старикъ колебался, но наконецъ убѣжденія подействовали, и онъ, чтобы не упускать любимого племянника изъ виду, самъ переѣхалъ съ нимъ въ Москву. И вотъ наконецъ молодой впечатлительный юноша достигъ цѣли своихъ желаній. Съ трепетомъ вступилъ онъ подъ своды Alma mater, гдѣ еще казалось звучала вдохновенная рѣчь Грановскаго и другихъ корифеевъ блестящей поры московскаго университета. Молодой неопытъ съ глубокимъ, священнымъ трепетомъ вслушивался въ слова правды и знанія.

Мѣсяцы и годы лѣтѣли... Съ каждымъ днемъ онъ чувствовалъ, что горизонтъ его расширяется, что въ груди его просыпаются новыя силы, что онъ крѣпнѣетъ духомъ, и одна мысль о томъ, что онъ, свое знаніе, энергію и умъ скоро отдастъ на служеніе родинѣ, обществу, наполняла его сердце восторгомъ...

Между тѣмъ дядя Борщовъ, припавшій на себя по просьбѣ

Татьяны Николаевны хлопоты по опеѣ и управленію имѣніями Мамаевыхъ, начиналъ тяготиться этимъ дѣломъ.

Онъ былъ старъ и ѣздить въ Подберезовскую губернію по имѣніямъ покойнаго князя былъ не въ силахъ, а приказчики и управляющіе крали немилосердно. Да кромѣ того, изъ опеки то и дѣло стали получаться бумаги совсѣмъ непріятнаго и даже колкаго содержанія.

Два раза Борцовъ писалъ къ предводителю, прося его приказать прекратить подобную вызывающую переписку, но отвѣта не получилъ, и «указы» опеки становились все ядовитѣе и ядовитѣе.

Дѣло объяснилось очень просто:

Петръ Ивановичъ Вознесенскій такъ понравился своей расторопностью предводителю, что тотъ, уѣзжая за границу на годъ, представилъ объ утвержденіи его секретаремъ опеки.

Исправляющимъ должность предводителя, по старому уставу, остался уѣздный судья, Труфановъ, старый доброжелатель Вознесенскаго, и у него тотчасъ же зародился планъ отѣснить изъ опекуновъ надъ имѣніемъ Мамаевыхъ — Борщова и посадить на его мѣсто человѣка болѣе подходящаго.

Воспоминаніе о деньгахъ, серіяхъ, и билетахъ, видѣнныхъ, и лично пересчитанныхъ въ кассѣ покойнаго князя не давали ему покоя... Деньги же были беззащитны. На стражѣ ихъ стояли только Борцовъ, да старая княжна. Про старуху говорить было нечего, она не могла бы помѣшать завладѣть имуществомъ, но старый Борцовъ, человѣкъ со связями и значеніемъ, могъ оказать сильное противоудѣйствіе. Надо было во что бы то ни стало устранить его.

Судья Труфановъ, хитрый и пронырливый какъ лиса, съ первыхъ же словъ понялъ и спѣлся съ Вознесенскимъ; онъ понялъ — какую обильную жатву можно собрать съ стотысячной опеки, и рѣшился не упускать времени своего предводительства.

Письма Борщова, на имя предводителя, пребывавшаго за границей, разумѣется, не достигали по адресу, а опека продолжала допекать заслуженнаго генерала выговорами и замѣчаніями хотя въ вѣжливой, но язвительной формѣ. То по отчетамъ, въ хлѣбѣ оказывался промѣръ, то цѣны продажи оказывались дешевле справочныхъ, словомъ мелкія, но ядовитыя придирки плодились и множились, и генераль, написавъ длинное письмо Татьянѣ Николаевнѣ, въ которомъ объяснялъ причины своего отказа, отправилъ въ опеку бумагу, требуя увольненія отъ званія опекуна.

Этого только и надо было собравшейся шайкѣ опекскихъ

разбойниковъ. Въ тотъ же день послѣдовалъ рѣзкій указъ на имя Татьяны Николаевны о непремѣнномъ избраніи соопекуна.

Для вящаго устрашенія указъ былъ посланъ чрезъ становаго, съ отобраніемъ подписки о полученіи.

Татьяна Николаевна страшно перепугалась, она никогда не имѣла дѣла съ судами и всякія формальности ее чрезвычайно беспокоили... Да къ тому же и становой, наученный Вознесенскимъ, сказалъ ей нѣсколько страшныхъ словъ, и она на другой же день отправилась въ уѣздный городъ къ предводителю умолять о защитѣ.

Какъ мы уже знаемъ, предводителя не было, ее встрѣтилъ самъ судья, какъ исправляющій должность, и напугалъ еще больше, говоря о форменныхъ отчетахъ и о законной ответственности!

Она со слезами умоляла его посовѣтывать ей кого избрать соопекуномъ, который бы зналъ всѣ судейскіе порядки. Этого только и ждалъ достойный помощникъ Вознесенскаго. Онъ рекомендовалъ ей князя Ростислава Ростиславича Перекатипольева, и старуха съ радостью согласилась. Въ послѣднее время князь Ростиславъ Ростиславичъ нѣсколько разъ, на правахъ близкаго сосѣда, заѣзжалъ къ ней, и своимъ изысканнымъ обращеніемъ понравился старой княжнѣ.

Дѣло было сдѣлано, Татьяна Николаевна подписала заготовленную бумагу и князь Перекатипольевъ былъ немедленно утвержденъ уѣздной дворянской опекой соопекуномъ княжны Мамаевой.

Надо ли сказать, что Перекатипольевъ былъ именно такое лицо, которое было нужно Вознесенскому и Комп.

Уволенный изъ военной службы, не по болѣзни, какъ было сказано въ аттестатѣ, а за пристрастіе въ спиртнымъ напиткамъ, князь былъ личность скорѣй несчастная, чѣмъ злая. Онъ пилъ запоемъ, но въ минуты просвѣтленія казался совсѣмъ джентельменомъ. Главное достоинство его для Вознесенскаго заключалось въ томъ, что онъ рѣшительно ничего не помнилъ, что дѣлалъ во время запоя, а въ это время его можно было подбить на что угодно.

Онъ давно уже промоталъ все свое состояніе, и теперь жилъ нахлѣбникомъ у старухи тетки, послѣ которой считался наслѣдникомъ.

Перспектива получить законные 5 процентовъ съ доходовъ опекаемаго имѣнія подѣйствовала на него умирительно, и онъ съ радостью принялъ предложеніе старой княжны быть ея соопекуномъ.